

А. В. Смолин

ПЕЧЕНГА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ СОВЕТСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО КОМАНДОВАНИЯ В 1918–1920 ГГ.

Проблема Печенги в русско-финляндских отношениях возникла ещё в 1864 г., когда по указу Александр II Сестрорецкий оружейный завод с прилегающей территорией был выделен из состава Выборгской губернии и присоединён к Петербургской. Взамен Финляндии была обещана «или прибрежная полоса у Ледовитого моря к западу от р. Якобс-Эльф... или же, по надлежащей развёрстке и оценке, свободные угодья С.-Петербургской губернии, расположенные вдоль границы»¹. При существовании царского режима эти обещания выполнены не были и достались в наследство Советскому государству.

Реальное разрешение вопроса о принадлежности Печенги в русско-финляндских отношениях получило во время переговоров между делегациями РСФСР и Совета народных уполномоченных (СНУ) Финляндской социалистической республики. В результате заключённого 1 марта 1918 г. договора между двумя социалистическими республиками, район Печенги, по требованию финских социал-демократов переходил к Финляндии. В свою очередь советское правительство настояло на передаче форта Ино, имевшего стратегическое значение для обороны Петрограда РСФСР. Вместе с тем передача Печенги сопровождалась оговоркой «если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением»².

Следовательно, территориальные уступки делались социалистической республике, и пролетарский интернационализм ставился выше реального национализма рабочих масс, выразителем которого стала социал-демократическая партия Финляндии. Поскольку принимаемое решение носило политический характер, то военных специалистов к работе над договором не привлекали, и они узнали о его заключении «*post factum*». После этого ими был составлен доклад для СНК о значе-

нии Западного Мурмана, то есть отдаваемых территорий для безопасности России. Поскольку Балтийский флот терял свое значение в результате потери Эстляндии, Лифляндии и признания независимости Финляндии, то предлагалось перебазировать его на Мурман, откуда открывался выход в открытый океан. В связи с этим коллегия Морского комиссариата настаивала на изменении статьи договора о передаче Печенги Финляндии. СНК обещал пересмотреть эту статью, но сделано этого не было³.

3 апреля 1918 г. произошла высадка немецкого экспедиционного корпуса в Ганге (Ханко), по приглашению буржуазного правительства Финляндии. Прибытие германских войск резко изменило ситуацию, поставив красных финнов перед угрозой поражения. В связи с этим встал вопрос об аннулировании статьи договора о передаче района Печенги СНУ⁴.

После поражения «красных финнов» в гражданской войне в Берлине между советской и финской делегациями начались мирные переговоры. На них среди других вопросов стоял и вопрос о Печенге. Однако в результате завышенных территориальных требований Финляндии они закончились ничем⁵.

Вновь вопрос о Печенге возник в связи с обращением Наркома иностранных дел Г. В. Чичерина 11 сентября 1919 г. к финляндскому правительству, о возобновлении переговоров о заключении мира⁶. В связи с этим Председатель РВСР Л. Д. Троцкий поручил подготовить доклад о тех условиях, которые следует поставить при начале переговоров с Финляндией, Эстляндией, Латвией и Литвой.

Так, 29 ноября 1919 г. появилась докладная записка, составленная военным консультантом Ф. В. Костяевым. По поводу границ с Финляндией на Мурманском побережье он писал, что «они проведены с явным ущербом для Советской России в военном отношении». Поэтому Костяев весьма подробно разбирал значение Западного Мурмана для России и приходил к выводу, что с государственной и военной точки зрения незамерзающий район от острова Кильдин до Норвежской границы играет первостепенную роль. В связи с потерей выхода в Балтийское море, единственный путь к открытому морю лежал через мурманское побережье. Учитывая неудачный опыт с передачей Печенги СНУ, Костяев писал: «уступка Финляндии западного участка Мурманского побережья, грозит России создание в этом, единственно оставшемся свободном выходе к морю, таких условий, при которых невозможно будет организовать рациональную оборону с моря и, тем самым обеспечить здесь морскую торговлю государства и его экономические выгоды, которые усиливаются не замерзаемостью Мурманского побережья в течении года»⁷. Для обороны Мурманского побережья он предлагал создать военно-морскую

базу. Наилучшим местом для плацдарма флота, считал военный эксперт, «является *Рыбачий полуостров* и Мотовской залив, так как в последнем естественно должна быть расположена главная база флота. Поэтому необходимо признать за этим районом первостепенное значение, и крайне важно, чтобы **весь** он остался в руках России, особенно западный берег Рыбачьего полуострова, который вместе с островами Айновскими, и губами Большой и Малой Волковыми, даст возможность оборудовать выход из Мотовского залива прямо на запад»⁸.

Таким образом, мы видим, что и в 1918 г., и в 1919 г. военные специалисты исходили из государственных и стратегических интересов, оставляя Печенгу в границах России. Под их влиянием заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский 30 марта 1920 г. в служебной записке наркому иностранных дел Г. В. Чичерину писал: «при складывающейся теперь политической обстановке в Прибалтике, наше стратегическое положение на море чрезвычайно тяжёлое: потеряна операционная база, мы заперты в Неве. При таком положении наша морская задача — узкооборонительная. А раз так, то флот, состоящий из дредноутов и др. „морских“ военных судов не может на этом театре быть употреблён вполне по своему назначению»⁹. В связи с этим предлагалось перевести Балтийский флот на Север и там оборудовать базу¹⁰.

Во время переговоров о перемирии в Раййоки снова встал вопрос о Печенге. Свои претензии Финляндия обосновывала обещаниями Александра II. Однако переговоры о перемирии закончились провалом, и проблема Печенги осталась не решённой.

Перед началом переговоров с Финляндией о заключении мирного договора в советском руководстве началась проработка вариантов соглашения с ней. Сразу стало ясно, что камнем преткновения станет территориальный вопрос, что показали и переговоры в Раййоки. Наиболее болезненными представлялись вопросы о Восточной Карелии, границе в Финском заливе и Печенге. Если вопрос с Восточной Карелией советское правительство попыталось урегулировать путём создания Карельской Трудовой Коммуны с правами автономии, то положение с Финским заливом и Печенгой представлялось трудно разрешимой проблемой.

Свои рекомендации по Финскому заливу и Печенге, для делегации, отправлявшейся в Тарту, готовил Штаб командующего морскими силами Республики (штакморси), которые утверждал РВСР. 22 мая 1920 г. заместитель начальника оперативного управления штакморси М. А. Петров составил для Командующего всеми морскими, озёрными и речными силами республики (коморси) А. В. Немитца докладную записку «О минимальных требованиях наших при заключении мирного договора с Финляндией на Финском заливе»¹¹. Наверное, изначальный минус документа

состоял в том, что он говорил о минимальных требованиях, и это не давало возможности для манёвра на переговорах.

При составлении договора, по мнению М. А. Петрова, следовало исходить из того, что на Балтике Россия имеет свои политические и стратегические интересы, а их обеспечение требует соответствующего, как торгового, так и военного флота. И если по вопросу о фарватере для торговых судов можно было прийти к соглашению, то по вопросу об обороне Кронштадта проблемы выглядела значительно сложнее. В действительности сложившаяся пограничная ситуация в устье Финского залива лишала Россию возможности иметь военный флот. Поэтому в будущем договоре с Финляндией, предлагал Петров, необходимо было предусмотреть меры по оборудованию морской позиции, которая могла воспрепятствовать прорыву неприятеля к Кронштадту и вынесена была бы в открытое море.

Исходя из этого, внешнюю границу морской позиции А. М. Петров предлагал провести по линии башня Вигрунд на одноимённом острове в Финском заливе — острова Лавенсари — Сескар и далее в направлении маяка Стирсуден (Стирсудден) на берегу Финского залива. Это вело за собой запрещение Финляндии строить береговые укрепления, устанавливать наблюдательные посты на островах Лавенсари, Сескар и финском побережье к востоку от Стирсудена. Предлагалось также нейтрализация пролива Бьорке-Зунд. Под этим понимался запрет захода туда судов, воюющих с Россией держав. Финляндия также не могла создавать здесь крепостных и военно-портовых сооружений. Помимо этого ей рекомендовалось срыть форты Ино и Пумала или, в крайнем случае, не иметь на них тяжёлой артиллерии.

Составляя доклад, М. А. Петров учитывал, что за подобные уступки Финляндия потребует значительные компенсации. По его мнению, «можно было бы поступиться многим, чтобы обеспечить за собою возможность исправить это в будущем <...>. Если будет договором утверждено, то положение, которое имеет место сейчас на Финском заливе, то это несомненно дискредитирует самый договор, лишая его прочности, ибо он непременно будет нарушен в ближайшее время, так как существующее положение ни с политической, ни с военной точек зрения нетерпимо»¹².

Вскоре, после докладной записки М. А. Петрова, последовала записка коморси А. В. Немитца «О мерах обеспечения морских интересов России при заключении мирных договоров с Финляндией»¹³. В её основу легла докладная записка Петрова от 22 мая 1920 г. Вместе с тем командующий, касаясь мореплавания в Финском заливе, сделал детальное обоснование необходимости для России иметь возможность пользоваться Большим корабельным фарватером. Поскольку на переговорах о пере-

мирии финская сторона хотела ограничить Россию в его использовании, оставив за ней только прибрежный Южный фарватер, более удлинённый и малопригодный для плавания больших судов.

Говоря о значении Мурмана для безопасности России, командующий отмечал, что на всем громадном его протяжении полуостров Рыбачий являлся единственным районом, удобным для базирования флота, и переход его в руки Финляндии ставил под удар Мурманск. К тому же передача этого района Финляндии лишала Россию прямой границы с Норвегией. Заклячая записку, А. В. Немитц писал: «В силу сказанного мы не должны соглашаться на отдание Печенги по двум причинам: это ставит в опасное угрожающее положение весь Мурманский край, и влечёт за собой лишение нашей морской силы необходимых данных, обуславливающих собой существование её»¹⁴.

Если Петров допускал определённые компенсации за уступки в Финском заливе, то Немитц на это не шёл. Таким образом, мы видим определённое расхождение между командующим и начальником оперативного управления штаба. В записке Немитца обращает на себя внимание, резкое неприятие передачи Финляндии Печенги и полуострова Рыбачий. Это может косвенно свидетельствовать о том, что в высших эшелонах власти этот вопрос уже обсуждался.

8 июня М. А. Петров составил новую докладную записку для членов российской делегации, отправлявшейся на переговоры в Тарту. Главное, по мнению автора записки, состояло в следующем: «Мир с Финляндией в её теперешних границах и при существующем у неё образе правления, следует рассматривать, как явление временное»¹⁵. Развивая эту мысль, Петров доказывал, что многомиллионная Россия не может зависеть от Финляндии в отношении морского транзита. Он также предвидел с её стороны угрозу для русского военного флота, запертого в Кронштадте и в устье Невы, который не сможет совершенствоваться и умрёт без моря. Поэтому, по мнению Петрова, изменить положение могла война, начатая при первой благоприятной возможности, и её неизбежность вытекала из создавшейся обстановки. В связи с этим автор записки на возможные потери предлагал смотреть с точки зрения их временного характера, которые впоследствии будут возвращены. Однако отдавать, по его мнению, можно было только то, что не помешает начать войну в сносных условиях. Для этого следовало сохранить Балтийский флот. Для поддержания флота в боевой готовности требовался свободный участок моря для проведения учений и свободного плавания. Ради сохранения Балтийского флота, на плечи которого впоследствии должна лечь задача по возвращению отданного обратно, Петров считал возможным пойти даже на отдачу побережья Мурмана и на ряд других уступок¹⁶.

Вместе с тем по вопросу Финского залива и переносу базы флота на Мурман и уступки Печенги имелись и другие мнения. Так, морской эксперт советской делегации в Тарту Е. А. Беренс был известен как противник передачи СНУ территорий на Мурмане ещё с 1918 г. В 1920 г., получив назначение на должность морского эксперта, он ещё до отъезда на переговоры неоднократно спорил с работниками штаба и коморси о значении Печенги. В то время как в штабкоморси считали, что важнее Финский залив, Беренс в свою очередь утверждал о необходимости перенесения базы флота на Север. По его мнению, в Финском заливе, в связи с образованием таких независимых государств, как Эстония и Финляндия, уже всё было утрачено. На что ему возражали, что в скором времени базу на севере создать будет невозможно и придётся восстанавливать положение в Финском заливе¹⁷. Если, как мы видим, М. А. Петров возлагал определённые надежды на войну, с помощью которой можно восстановить положение в Финском заливе, то Е. А. Беренс, имея более богатый опыт дипломатической работы (1910–1914 гг. он являлся морским агентом в Германии, а в 1915–1917 гг. в Италии¹⁸), понимал, что война с Финляндией может привести к международному конфликту с возможным участием Англии. К такому развитию событий русский флот не был готов даже в отдалённом будущем.

Таким образом, планы штабкоморси носили в определённой степени авантюристический характер. Здесь следует отметить, что Беренс, никогда и не говорил, что базу флота на Север необходимо переносить немедленно, прекрасно понимая, все трудности этой операции. Однако, как показало время, в долгосрочной перспективе идея создания базы флота в западной, незамерзающей части Мурмана оказалась весьма продуктивной.

Таким образом, между штабом командующего морскими силами и морским экспертом, который подчинялся непосредственно РВСР, имелись существенные расхождения. В ходе переговоров отношения между ними приняли весьма обострённый характер.

Однако у морского командования в вопросе о Печенге имелись определённые колебания. Так, 26 июня, уже после начала переговоров в Тарту, коморси А. В. Немитц, в докладе начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву, писал: «Уступка части побережья Ледовитого океана по стратегическим соображениям невозможна, ибо прежняя государственная граница проходит слишком близко к району Рыбачьего полуострова и Мотовского залива, являющихся „ключом“ всего мурманского побережья. Потеря нами этого района или невозможность создать для него солидную оборону, со стратегической точки зрения равносильна потере Россией своего морского выхода в океан»¹⁹.

Однако уже 28 июня А. В. Немитц в докладной записке тому же начальнику Полевого штаба РВСР несколько скорректировал свой взгляд. В ней он снова напомнил о невозможности для Балтийского флота проводить учебные стрельбы и маневрирование, поскольку выход из залива находился в руках независимых Эстонии и Финляндии. Поэтому он допускал возможность перенесения морской базы на Мурманское побережье, имевшее незамерзающий выход в океан. В то же время в записке появилось упоминание о возможной уступке Печенги. В этом случае он предлагал требовать равноценной компенсации в Финском заливе. Под ней подразумевалась береговая черта, от русской границы на Ладожском озере до маяка Стирсуден. Только такая граница, по мнению командующего, могла обеспечить Кронштадт и прилегающие воды от обстрела неприятельских батарей и предоставляла флоту необходимое пространство для развёртывания²⁰. При этом на уступаемом участке суши Россия могла возводить различные военные сооружения²¹. Данное обращение интересно тем, что буквально через две недели после начала переговоров в Москве уже начались, а возможно, были и раньше, разговоры о территориальных уступках.

Здесь следует сказать о том, что вопрос о перенесении базы флота на Север прорабатывался морским командованием ещё до начала переговоров с Финляндией. Так, ещё по заданию штакоморси, в апреле 1920 г. состояние военно-морской базы в Мурманске обследовал уполномоченный Народного комиссариата по морским делам Мурманского района Э. С. Панцержанский. В докладе от 25 апреля он оценил состояние базы как удручающее. Поскольку почти полностью отсутствовали должностные лица и команды. В порту царила неразбериха, отсутствовала охрана рейда. Ощущалась нехватка вооружения, различных материалов, угля, продовольствия. Для укрепления базы Панцержанский рекомендовал пополнить флот и порт военными специалистами, мастерами и матросами²².

12 мая 1920 г. обследование Печенгской губы, по распоряжению коморси, проводил Начальник Морских сил Северного моря В. Н. Варваца. 17 мая он сообщал коморси о том, что план морской обороны мурманского района нельзя привести в жизнь из-за отсутствия военспецов, рабочих рук, нехватки артиллерии, гидроавиации, мин и минных аппаратов. Удручающую картину представлял и Мурманский военный порт. В нём также не хватало специалистов, рабочих и топлива. После ареста командира порта всякая работа вообще замерла. 200 тонн угля, перевезённых из Архангельска, хватало только на поход миноносца в Печенгу для показа флага. Ситуация не изменилась и через месяц. Эта же телеграмма была повторена 15 июня²³.

В докладе, поданном коморси 3 июня, В. Н. Варваца дал подробное описание боевых возможностей района и предложил установить батареи для защиты входа в Печенгскую губу и периодически посылать сюда миноносец для демонстрации флага, так как для постоянного нахождения судна в этом районе не было угля²⁴.

3 июня на имя коморси поступила докладная записка начальника Морской академии Б. Б. Жерве. В ней предлагалось отправить слушателей академии для обследования Мурманского побережья, с целью их практического обучения. А. В. Немитц эту идею одобрил, считая её полезной как в целях академических, так и стратегических на предмет устройства в будущем военно-морской базы²⁵.

В действительности под предлогом учебной поездки штаб командующего морскими силами проводил рекогносцировку Мурманского побережья, чтобы перенести туда базу флота²⁶. 7 июня оперативное управление штаба командующего уже представило свои соображения по созданию главной базы флота в Мурманске. По этому плану, по берегам Кольского залива, полуострова Рыбачий и острова Кильдин требовалось установить крупнокалиберные батареи (12–14 дм). Помимо этого предполагалась постройка судоремонтных заводов, подъездных путей, оборудование рейда, устройство ремонтных мастерских, складов, сухого дока и т. д.²⁷ Теперь следовало на месте уточнить ряд вопросов, связанных с этим проектом. Непосредственно перед поездкой Оперативное управление штабкоморси поставило перед участниками поездки задачи, которые следовало выполнить²⁸.

3 июля 26 военморов Морской академии выехали из Петрограда и возвратились только 30 июля, проделав значительный объём работы²⁹. Поставленная перед слушателями академии задача была успешно решена. Этому в значительной степени способствовала и помощь со стороны наморси Северного моря В. Н. Варваца³⁰. Результатом этой поездки стало «Краткое заключение по стратегическому обследованию Мурманского побережья слушателями Морской академии», составленное 4 августа.

В нём говорилось: «Защита базы и выходов из неё требует обладания островом Кильдин, полуостровом Рыбачий и бухтами в Мотовском заливе. Защита их от захвата неприятелем потребует укрепления их северного побережья и перешейка Рыбачьего полуострова. Возможное прорытие канала на перешейке Рыбачьего полуострова значительно улучшит положение флота, базирующегося на Кольский залив, дав ему третий выход.

Для защиты, как канала, так и всего перешейка, имеют весьма важное значение о[стро]ва Айновы, дающие возможность прикрыть не только перешеек, но и вход в бухту Печенгу.

Из прилегающих бухт, весьма важное значение имеет губа Печенга: 1) как прикрывающая перешеек со стороны сухопутной границы и 2) как единственно удобное место на нашем побережье для устройства противником маневренной базы, обладание коей даст ему большие преимущества.

Потеря Печенги лишает нас возможности защищать перешеек, а за ним и весь Рыбачий полуостров, что в свою очередь может повлечь за собой потерю всей морской базы, т. е. и связи с внешним миром»³¹.

Очевидно, морское командование, оперируя этим документом, собиралось отстаивать стратегическую необходимость Печенги для Советской России.

Несмотря на достаточно жёсткие официальные заявления советской делегации на переговорах с Финляндией, у её членов уже наметились некоторые изменения в сторону уступок Финляндии. Так, спустя пять дней после начала переговоров, 17 июня, в письме Я. А. Берзина Г. В. Чичерину появились первые намёки на то, что к соглашению с финнами не прийти «без сколько-нибудь значительных с нашей стороны уступок» по территориальному вопросу³².

Учитывая финские претензии на район Печенги и уловив настроения главы советской делегации в пользу территориальных уступок, 20 июня морской представитель делегации Е. А. Беренс составил «Записку морского консультанта по поводу первого финского проекта о Печенгском районе в территориальной комиссии». Правда, в ней не указан адресат.

В записке Беренс дал подробное описание мурманского побережья России примерно длиною в 215 морских миль, которое делилось на Западный Мурман около 95 миль и Восточный примерно 120 миль. Он подробно описал преимущества Западного Мурмана перед Восточным, как в военном, так и в экономическом отношении, отметив более сильное влияние тёплого течения Гольфстрим в западной части Мурмана, что сказывалось на навигационных условиях. Останавливаясь на стратегическом значении района он подчёркивал, что это единственный выход в океан и что безопасность Кольского залива, где находился порт Александровск (Полярный) и Мурманск зависит от того в чьих руках находится полуостров Рыбачий, господствовавший над всем Западным Мурманом и входом в Кольскую губу и порт Александровск. Согласно претензиям финской делегации, к Финляндии должно отойти примерно 60 миль материкового берега, составлявшие около 65 % всего побережья Западного Мурмана и около 28 % всего Мурмана, не считая береговой черты полуострова Рыбачий, а это ещё около 100 миль.

При этом проектируемая Финляндией линия находилась в 5 милях от входа в Кольский залив и могла обстреливаться артиллерией сред-

ней дальности. В то же время от середины Мотовского залива до входа в Кольский залив расстояние составляло около 27 миль. Всё это, по мнению Беренса, давало возможность противнику осуществить блокаду Кольского залива и Александровска. Поскольку Россия в результате образования таких государств, как Эстония, Латвия, Финляндия, лишилась большей части берегового побережья на Балтике, то единственным свободным выходом в открытое море оставался Мурман.

Возражая своим оппонентам, Беренс, в частности, писал: «называть уступку Финляндии 60 морских миль самой ценной береговой чертой на 3[ападном] Мурмане, 100 миль Рыбачьего полуострова и обеспеченного положения 3[ападном] Мурмане вещью для России второстепенной, конечно не приходится»³³. По мнению Беренса, для того чтобы удовлетворить экономические потребности финского населения, вовсе не требовалось отдавать Финляндии столь ценную береговую полосу. Таким образом, по словам Беренса, вопрос о Печенге советской делегации был освещён со всех сторон³⁴. Следовательно, говорить о том, что советские делегаты не имели представления о ценности и значимости для России территорий, которые собирались отдать финнам, нет оснований.

Негативное мнение о передаче Печенги 20 июня высказывал и начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев. Частичные уступки в Печенге он связывал с компенсациями на Карельском перешейке. При этом он заявлял: «Во всяком случае, восточная часть побережья ПЕЧЕНГИ с полуостровами РЫБАЧИЙ, СРЕДНИЙ и заливом МОТОВСКИМ *не могут быть уступлены*, так как, с одной стороны мы лишимся хорошего незамерзающего залива, а с другой — свободный выход из Кольского залива в незамерзающие воды Мурманского будет для нас не обеспечен»³⁵. Повторение этих требований прозвучало и в служебной записке Лебедева «По вопросу о морских границах с Финляндией» от 14 августа. Она была адресована Г. В. Чичерину³⁶.

23 июля морское командование, через своего представителя передало главе советской делегации следующее требование: «Если выяснится, что мирного договора с Финляндией не удастся заключить, не предоставляя ей территории на побережье Ледовитого океана, то максимальной уступкой может быть передача ей, в полное обладание или лишь для эксплуатации побережья от норвежской границы до губы Амбарная (включительно) с губой Печенгой и далее по материку в зависимости от указаний представителя высшего сухопутного командования»³⁷.

24 августа штаб командующего флотом заявил, что от всех уступок предлагаемых Финляндией можно отказаться, оставив за Россией Печенгу, поскольку считалось, что эти уступки не дают ничего существенного собственно для Балтийского флота³⁸.

3 августа получив информацию об уступках в районе Печенги, которые сделала советская делегация на переговорах, причем даже в больших размерах, чем это предполагалось, штаб командующего морскими силами заявил, что с отдачей Финляндии данных территорий невозможно будет создать «сколько-нибудь оборону нашего Севера»³⁹.

Наконец, 17 сентября командующий морскими силами Немитц через своего представителя Е. А. Беренса обратился к председателю делегации Я. А. Берзину с обоснованием проведения границы южнее губы Малой Волоковой. Устройство базы на Севере он связывал с прорытием канала между губой Малой Волоковой и Кутовой, позволявшего флоту из Мотовского залива выходить в открытое море. При этом приводились конкретные расчёты по осуществлению этого плана. Передача южной части полуострова Средний ставила крест на прорытии канала и не давала возможности дополнительного выхода в море⁴⁰.

Однако Я. А. Берзин отрицательно отнесся к плану переноса базы Балтийского флота на Север. Он считал эти взгляды лишь решением ведомственных задач морского командования. В результате ответом на данное обращение стало выраженное его мнение о возможности передачи запрашиваемых территорий Финляндии⁴¹.

В целом, приведённые материалы показывают, что все усилия морского командования по сохранению Печенги в руках России не дали результатов. Политические соображения советского руководства, в тяжёлых политических, экономических и международных условиях, в которых оказалась Советская Россия, взяли верх над стратегическими и государственными интересами.

ЛИТЕРАТУРА

Аблаев Ю. М. Образование советско-финляндской границы в 1918–1922 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 137–143.

Барышников В. Н. Петсамский вопрос в 1940–1941 гг. и его влияние на военно-политическую обстановку в Северной Европе // Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. С. 69–76.

Вуорисярви Э. Петсамо 1940–1941 гг.: нужен ли был России никель в действительности? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007, № 8. С. 241–248.

Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. 640 с.

Россия и независимость Финляндии 1899–1929 гг. сборник документов в 3 т. / отв. сост. М. В. Зеленев. Т. 3: От противостояния к миру: 1917–1920 гг. М.: РОССПЭН, 2021. 998 с.

Смолин А. В. Евгений Андреевич Бернс (1876–1928). На службе России. СПб., 2023. 320 с.

Смолин А. В. «Новый Брест». Тартусский мирный договор советской России с Финляндией. 1920 г. СПб.: Евразия, 2020. 382 с.

Смолин А. В. От противостояния к миру // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2022. № 22(1). С. 128–137.

Смолин А. В. Проблемы демаркации русско-финской морской границы в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19(2). С. 37–38.

Холодковский В. Н. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М.: Наука, 1975. 266 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия и независимость Финляндии 1899–1929 гг. Сборник документов в 3 т. /отв. сост. М. В. Зеленев/. Т. 3: От противостояния к миру: 1917–1920 гг. М., 2021. С. 986.

² Смолин А. В. «Новый Брест». Тартусский мирный договор советской России с Финляндией. 1920 г. СПб., 2020. С. 72–73; Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 509.

³ Там же. С. 74–76.

⁴ Россия и независимость Финляндии 1899–1929 гг. С. 330, 331, 342, 554.

⁵ Там же. С. 380–452.

⁶ Там же. С. 527.

⁷ Там же. С. 555.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 592.

¹⁰ Там же. С. 593.

¹¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. р-1. Оп. 3. Д. 773. Л. 232 а — 233.

¹² Там же. Л. 233.

¹³ Там же. Д. 135. Л. 16–17 об.

¹⁴ Там же. Л. 17 об.

¹⁵ Там же. Д. 773. Л. 234.

¹⁶ Там же. Л. 234 об.

¹⁷ Там же. Л. 254, 255.

¹⁸ См.: Смолин А. В. Евгений Андреевич Бернс (1876–1928). На службе России. СПб., 2023. С. 14–52.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 773. Л. 142 об.

²⁰ Там же. Л. 141.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 654 Л. 254 об, 255.

²³ Там же. Л. 263-об, 267 об.

²⁴ Там же. Л. 44.

²⁵ Там же. Л. 361 об.

²⁶ Там же. Л. 363 об.

²⁷ Там же. Л. 265 об.

²⁸ Там же. Л. 363 об.

²⁹ Там же. Л. 371 об, 372. Краткое описание хода работ по дням. В этом документе проезд в Петроград датирован 29 июля.

³⁰ Там же. Л. 369, 372.

³¹ Там же. Л. 373.

³² Там же. Л. 325–326.

³³ Там же. Д. 773. Л. 316–319.

³⁴ Там же. Л. 255.

³⁵ Россия и независимость Финляндии 1899–1929 гг. С. 687.

³⁶ Там же. С. 779–780.

³⁷ Там же. С. 746.

³⁸ Там же. С. 788.

³⁹ Там же. С. 797–798; *Смолин А. В.* «Новый Брест». Тартусский мирный договор советской России с Финляндией. С. 336–337.

⁴⁰ Россия и независимость Финляндии 1899–1929 гг. С. 809.

⁴¹ Там же. С. 719–720.